

Научная статья

УДК: 343.14

DOI: 10.55001/2587-9820.2023.37.73.016

**ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ:
ТРЕБУЕТСЯ ЛИ ВНОСИТЬ КОРРЕКТИВЫ В СТАТЬЮ 74 УПК РФ?**

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права Российской академии наук; Академия управления МВД России, г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена оценке распространенного среди современных ученых-процессуалистов стремления к постоянному формулированию новых предложений по внесению изменений и дополнений в легальную дефиницию доказательств, предусмотренную статьей 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Исходя из анализа существовавших и существующих в настоящее время доктринальных подходов к сущности доказательств, автор приводит аргументы, опровергающие необходимость любых подобных коррективов. Содержание статьи 74 УПК РФ оценивается как вполне приемлемое для правоприменительной практики и подходящее для использования по назначению, ничем не уступающее иным предлагаемым в научных публикациях дефинициям.

Ключевые слова: доказательства; доказательственное право; доказательственные факты; изменения и дополнения в УПК РФ; кибернетическая теория доказательств; средства доказывания.

Для цитирования: Россинский, С. Б. Доказательства по уголовному делу: требуется ли вносить коррективы в статью 74 УПК РФ? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2023. Т. 26. № 2. С. 161–171. DOI: 10.55001/2587-9820.2023.37.73.016

**EVIDENCE IN THE CRIMINAL CASE: IS IT NECESSARY TO MAKE ADJUSTMENTS
IN ARTICLE 74 OF THE CODE OF CRIMINAL
PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION?**

Sergey B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Academy of Administration of the MIA of Russia, Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the assessment of the aspirations common among modern scientists in the field of criminal procedure, which consists in the constant formulation of new proposals for making changes and additions to the legal definition of evidence, provided for in Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

The author proceeds from the analysis of existing and currently existing doctrinal approaches to the essence of evidence, on the basis of which he gives arguments that refute the need for any such adjustments.

The author assesses the content of Article 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation as quite acceptable for law enforcement practice and suitable for

its intended use, which is in no way inferior to other definitions offered in scientific publications.

Keywords: proof; evidentiary law; evidentiary facts; changes and additions to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; cybernetic evidence theory; means of proof

For citation: Rossinskiy, S. B. Dokazatel'stva po ugovnomu delu: trebuetsya li vnosit' korrekтивы v stat'yu 74 UPK RF? [Evidence in the criminal case: is it necessary to make adjustments in article 74 of the code of criminal procedure of the Russian Federation?] // Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra = Forensics: yesterday, today, tomorrow. 2023, vol. 26 no. 2, pp. 161–171 (in Russ.). DOI: 10.55001/2587-9820.2023.37.73.016

Введение

На общем фоне множества современных публикаций, посвященных самым разным аспектам уголовного судопроизводства, становится все более и более заметна одна тенденция, выраженная не столько в выявлении и осмыслении закономерностей развития тех или иных правоотношений, сколько в стремлении к формулированию все новых и новых предложений по внесению изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ. На сегодняшний день многие авторы вообще ограничивают свои статьи и даже монографии сугубо редакционными-техническими упреками в адрес законодателя, то есть сводят содержание своей научной продукции к обнаружению частных изъянов и несогласованностей тех или иных положений уголовно-процессуального права, то есть, говоря образно, к «вылавливанию законодательных блох».

Ввиду понятных причин достаточно много выявляемых подобным образом изъянов и несогласованностей так или иначе связано с положениями доказательственного права. В частности, постоянно высказываются все новые и новые (какие по счету?!) идеи, направленные на совершенствование самой нормативной дефиниции доказательств, в том числе предполагающие кардинальное изменение ее содержания.

Но так ли уж актуальны предлагаемые коррективы, так ли уж необходимо внесение каких-либо очеред-

ных изменений и дополнений в ст. 74 УПК РФ? Думается, что ответить на этот вопрос возможно, лишь проследив и оценив основные вехи развития теории доказательств и соответствующих положений доказательственного права, по крайней мере, начиная с времен Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г.

Основная часть

Итак, в соответствии с положениями действующего уголовно-процессуального законодательства, под доказательствами, с одной стороны, понимаются любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору и суду в предусмотренном законом порядке устанавливать наличие или отсутствие различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в первую очередь обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному делу (ч. 1 ст. 74 УПК РФ), тогда как с другой – ими признаются юридически пригодные для использования (допустимые) информационные продукты, содержащие подобные сведения: показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, заключения эксперта и специалиста, вещественные доказательства, протоколы следственных действий и судебного заседания, иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

Вместе с тем подобный подход разделяется далеко не всеми специалистами и использовался далеко не всегда. За долгие годы развития

национальной уголовной юстиции доктринальные и законодательные представления о сущности доказательств неоднократно менялись, пересматривались и постоянно сопровождались множеством полемических обсуждений.

Так, в дореволюционный период легальной дефиниции доказательств просто не существовало, а в научной среде преобладал так называемый *формально-логический подход* – под доказательствами понимались не более чем апостериорные основания для судебного убеждения, то есть некие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), позволяющие обосновывать приговоры и прочие правоприменительные решения [1, с. 52; 2, с. 5 и др.].

В то же самое время в недрах науки возникли несколько иные и, как представляется, более утилитарные воззрения – так называемый *фактологический подход* – доказательствами стали признаваться далеко не всякие, и тем более не абстрактные, логические аргументы, доводы, силлогистические посылки, а лишь используемые в качестве таковых конкретные промежуточные (буферные) факты [3, с. 133; 4, с. 200]. Причем наибольшую популярность подобные позиции приобрели уже в советский период развития уголовно-процессуальной доктрины [5, с. 223; 6, с. 35]. В частности, получила распространение предполагающая некоторый оттенок точка зрения, согласно которой под доказательствами понимались не любые относимые факты, а лишь факты, вытекающие из допустимых, то есть легально предусмотренных законом источников [7, с. 136 и др.]. Кстати, на вариативность данной позиций, по всей вероятности, оказали влияние положения раннесоветского уголовно-процессуального законодательства, где впервые предусматривался «закрытый» перечень средств доказывания. Так, согласно ст. 58 УПК РСФСР

1923 г., таковыми признавались показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров, иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого. Со временем указанные позиции трансформировались в так называемый *дуалистический подход*, предполагающий двойственное понимание доказательств: 1) как буферных фактов, вызывающих убежденность в существовании или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств; 2) как допустимых источников этих фактов: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и т. д. Впервые подобные идеи возникли еще в середине 1920-х гг. [8, с. 3], а позднее достаточно глубоко укоренились в работах известных советских процессуалистов [9, с. 288–289; 10, с. 51 и др.].

Параллельно в уголовно-процессуальной доктрине существовал и несколько иной, как бы переходный, *лиминальный подход* – доказательствами считались не столько сами факты, сколько фактические данные, то есть тезис «доказательства – это факты» постепенно трансформировался в возникшую на рубеже 1960–1970-х гг. кибернетическую (информационную) теорию, основанную на утверждении «доказательства – это полезные сведения, информационные сигналы». Подобные позиции встречались даже в дореволюционных публикациях [11, с. 103], однако наибольшую популярность они приобрели после вступления в силу Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских Кодексов, в частности УПК РСФСР 1960 г. [12, с. 10–11; 13, с. 146; 14, с. 99 и др.].

В отличие от раннесоветского уголовно-процессуального права, указанные нормативные акты прямо предусматривали достаточно четкое определение доказательств как любых фактических данных (!),

позволяющих судам, следователям, органам дознания в предусмотренном законом порядке устанавливать различные имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела обстоятельства. И таким образом, впервые решившись на легальную дефиницию доказательств, законодатель сам предопределил резкую активизацию и возрастание количества сторонников лиминального подхода.

В 1960-х гг. в трудах отдельных ученых стали заметны намерения интеграции дуалистического и лиминального понимания доказательств, их слияния в некую обобщенную, в чем-то даже универсальную доктринально-правовую концепцию; начали предприниматься попытки универсализации определения доказательств, его распространения и на прямые, и на косвенные ресурсы, включение в его содержание как предопределенных следами-отображениями информационных продуктов, так и получаемых логическим путем данных о буферных фактах. В результате возник еще один, так называемый *синтетический подход* – под доказательствами стали пониматься и факты, и фактические данные (в некоторые публикации – сведения о фактах), и их источники [15, с. 92; 16, с. 114].

Примерно в то же самое время (на рубеже 1960–1970-х гг.) в недрах уголовно-процессуальной науки зародился и начал стремительно развиваться *кибернетический (информационный) подход* к пониманию доказательств, которому впоследствии было суждено получить официальное признание и по сути стать доктринальной базой для современного доказательственного права. В принципе сущность кибернетической теории тоже сводится к пониманию доказательств как полученных в установленном порядке полезных сведений (в некоторых более ранних публикациях – как все тех же фактических данных), способствующих установле-

нию имеющих значение для уголовного дела обстоятельств. Однако им придается совершенно иной смысл – такими сведениями (фактическими данными) признаются не столько используемые для обоснования правоприменительных актов и позиций сторон аргументационные ресурсы, сколько находящиеся в неразрывном единстве со своими носителями (источниками) и предрасположенные к восприятию фрагменты информации, то есть поступающие извне информационные сигналы, подлежащие перцепции посредством взаимодействия с идеальными либо материальными следами-отображениями (следами в широком смысле). Основоположником кибернетической теории доказательств принято считать В. Я. Дорохова [17, с. 110]; в дальнейшем подобные идеи нашли отражение и получили определенное развитие в трудах других известных авторов, активно публиковавшихся в 1970–1990-е гг. [18, с. 6–8; 19, с. 121; 20, с. 5–9 и др.]

Кибернетический подход к пониманию доказательств повлиял на усиление роли познавательно-удостоверительного компонента доказывания, стал серьезным импульсом для развития процессуальных механизмов собирания доказательств, предопределил целый ряд научных исследований, посвященных проблемам производства следственных действий, судебных экспертиз, других способов накопления и проверки полезных сведений. В итоге, как было отмечено выше, он получил официальное признание и стал доктринальной основой для положений постсоветского доказательственного права – по смыслу действующего на сегодняшний день уголовно-процессуального закона, под доказательствами понимаются юридически пригодные для использования информационные продукты, содержащие любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору, суду устанавливать действительность либо недействительность

имеющих значение для уголовного дела обстоятельств (ст. 74 УПК РФ). Причем многие ученые выразили согласие с такой нормативной конструкцией, оценили ее как вполне приемлемую для использования в правоприменительной практике [20, с. 56 и др.].

Вместе с тем далеко не все авторы были столь оптимистичны – в ряде публикаций содержатся достаточно негативные оценки и выявляются достаточно серьезные недостатки кибернетической теории. В первую очередь, она навлекла на себя вполне обоснованный шквал критики ввиду игнорирования, по крайней мере, сильного умаления роли аргументационно-логических операций, непризнания доказательственных фактов, то есть сведения всего доказывания исключительно к информационному процессу [21, с. 73; 22, с. 62], в частности говорилось о невозможности применения ч. 1 ст. 74 УПК РФ для работы с косвенными доказательствами, позволяющими приходиться к окончательным выводам путем логического оперирования буферными фактами [23, с. 274]. В ряде публикаций не без оснований обращается внимание на несогласованность положений ст. 74 УПК РФ [24, с. 172–173; 25, с. 13] и т. д.

Многие современные ученые вообще не разделяют кибернетической теории доказательств, а выносят на строгий суд научной общественности иные доктринальные позиции. Например, В. А. Лазарева формулирует достаточно интересную и, как представляется, имеющую большие перспективы концепцию, которую вполне можно охарактеризовать как *неосинтетический подход*. Она предлагает толковать категорию «доказательства» сразу в трех взаимосвязанных, но тем не менее достаточно автономных значениях:

1) в информационном аспекте – как любые сведения, попадающие в распоряжение участников уголовного судопроизводства и предрасполагающие к установлению имеющих значение для дела обстоятельств;

2) в формально-процессуальном аспекте – как предусмотренные законом информационные продукты (показания, протоколы, документы и т. д.);

3) в логическом и аксиологическом аспектах – как достоверные сведения (факты), позволяющие аргументировать обвинительный приговор [26, с. 171].

В 1990-е годы некоторые авторы начали активно отстаивать еще один, так называемый *прагматический подход* к пониманию доказательств. Стали высказываться идеи, предполагающие приоритетное значение юридической пригодности (допустимости) доказательств к использованию по назначению, то есть явное превалирование процедурных правил получения, фиксации и (или) преподнесения суду полезных сведений перед их содержанием. Доказательствами стали признаваться не столько сами сведения или фактические данные, сколько надлежащим образом оформленные предметы, документы и в особенности устные сообщения обвиняемых, потерпевших, свидетелей, других участников уголовного судопроизводства [27, с. 37; 28, с. 312 и др.].

Как уже неоднократно отмечалось в публикациях автора настоящей статьи, основная причина множественности подходов к пониманию доказательств обусловлена вовсе не принципиальными расхождениями специалистов по поводу их гносеологической природы и логической роли, их места и значения в общих механизмах уголовно-процессуального познания и обоснования правоприменительных решений либо позиций сторон – как раз эти вопросы всегда воспринимались и продолжают восприниматься примерно одинаково, поскольку не зависят от искусственно созданных юридических законов и правил, а связаны с естественными способностями людей к накоплению и умственной обработке информации. Подобные разногласия видятся в ином – в предопределенности

различных научных позиций и связанных с ними законодательных положений начально разными мировоззренческими идеями и течениями, то есть своеобразными философскими «трендами», играющими приоритетную роль в те или иные периоды развития российского и советского социумов. И, таким образом, неудивительно, что воспитанные на постулатах классического немецкого идеализма дореволюционные авторы писали о доказательствах как о достаточно абстрактных основаниях для судебного убеждения. Нет ничего странного и в том, что в конце XIX в. стали предприниматься попытки уяснения сущности доказательств посредством методологии набирающего обороты диалектического материализма, а в советский период эти идеи получили новый импульс для развития, но уже в контексте марксистско-ленинской диалектики. Вполне очевидны и причины возникновения во второй половине XX в. кибернетической теории – она возникла в разгар кибернетического «бума», была связана с повальным увлечением информационными процессами и технологиями, то есть стала уголовно-процессуальным воплощением передовых научных разработок в сфере получения, хранения, преобразования и передачи информационных ресурсов. Тогда как постсоветское разнообразие доктринальных подходов к пониманию доказательств – это прямое следствие отказа от марксизма-ленинизма как от приоритетного направления гносеологии, проникновения в российскую науку множества иных мировоззренческих течений.

Более того, существующие доктринальные подходы к пониманию доказательств вовсе не являются взаимоисключающими, не противопоставлены друг другу, а всего лишь раскрывают разные компоненты уголовно-процессуального доказывания как сложного, многоаспектного комплекса познавательно-установочных приемов и аргу-

ментационно-логических операций, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и способствующих принятию правоприменительных решений. В частности, кибернетическая теория доказательств как нельзя лучше объясняет сущность и механизмы уголовно-процессуального познания, связанного с восприятием материальных либо идеальных следов-отображений и формированием на их основе соответствующих мысленных образов посредством использования вербальных и невербальных [29, с. 99–106] инструментов, находящихся в арсенале дознавателя, следователя, суда, иных участников судопроизводства. В свою очередь, прагматический подход (если, конечно, воспринимать его не как кальку англосаксонской модели доказывания, а как научные идеи о приоритете процессуальной формы, об особом значении юридических процедур) достаточно хорошо увязывается с правилами удостоверения и фиксации накапливаемых сведений. И наконец, воззрения дореволюционных и советских ученых, понимавших под доказательствами основания для судебного убеждения или факты, то есть считавших их не более чем доводами, силлогистическими посылками, имеют прямую взаимосвязь с аргументационно-логическим компонентом доказывания, направленным на обоснование правоприменительных решений или позиций сторон.

Выводы и заключение

В завершение разумно вернуться к поставленному в начале настоящей статьи вопросу: имеется ли объективная необходимость внесения коррективов в нормативную дефиницию доказательств?

С учетом всего сказанного ответ на него представляется очевидным: никакой потребности в изменениях либо дополнениях ст. 74 УПК РФ на сегодняшний день не существует! Целесообразными представляются разве что некоторые поправки в

предусмотренный ч. 2 ст. 74 УПК РФ перечень допускаемых к использованию информационных продуктов, то есть коррективы, имеющие совершенно иное предназначение и никак не связанные с пониманием самой сущности доказательств.

Вместе с тем, как уже отмечалось выше, на сегодняшний день наблюдается прямопротивоположная тенденция. Конечно, все подобные предложения вполне объяснимы и понятны. Ведь каждому интересующемуся указанными проблемами автору, в особенности начинающему ученому, хочется внести свою лепту в их решение. Причем не исключено, что некоторые из таких идей (хотя далеко не все!) вполне могут обладать определенным смыслом, а их внедрение в законодательную материю может привести к большей логичности, согласованности и эстетичности положений доказательственного права. Однако все-таки думается, что главным критерием ценности любых правотворческих инициатив является их предполагаемое прикладное значение, то есть способность оказывать позитивное влияние на работу судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов, а также на правовую защищенность невластных участников уголовного судопроизводства. Поэтому каждому ученому, желающему представить новую или обновленную нормативную дефиницию доказательств, вначале надлежит задуматься об ее практической ценности, постараться спрогнозировать перспективы ее повседневной реализации в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. И если такая ценность видится сомнительной, если, несмотря на некоторые редакционные и логические дефекты, ст. 74 УПК РФ в целом не вызывает особых нареканий и представляется вполне приемлемой, то гораздо правильнее просто отказаться от подобных идей,

наконец, оставить эту многострадальную норму в покое и сконцентрироваться на других проблемах законодательства и правоприменительной практики.

К тому же результаты всех подобных изысканий вряд ли смогут привести к созданию идеальной «формулы» – пока еще ни одному ученому не удалось разработать безупречную, не имеющую никаких изъянов и недостатков дефиницию доказательств; в каждой из предлагаемых формулировок заметны вкусовые предпочтения авторов, просматривается склонность к тому или иному доктринальному подходу и т. д. Кстати, в этой связи наиболее мудрой и дальновидной вообще представляется принимавшаяся на вооружение раннесоветским законодателем достаточно нейтральная правовая конструкция, подразумевавшая аккуратное уклонение от каких-либо нормдефиниций и поэтому сводившаяся лишь к перечислению конкретных информационных продуктов, подлежащих признанию средствами уголовно-процессуального доказывания (ст. 58 УПК РСФСР 1923 г.).

Если уж исходить из надобности четкого нормативного определения доказательств, то действующую в настоящее время ст. 74 УПК РФ следует оценивать как вполне приемлемую для правоприменительной практики и подходящую для использования по назначению, по крайней мере, ничем не уступающую иным предлагаемым в научных публикациях дефинициям. Тем более, что за время, прошедшее с момента ее введения в действие, был выработан целый ряд прикладных рекомендаций, способствующих единообразному применению положений доказательственного права в соответствии с вкладываемым в них смыслом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баршев, Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : ЛексЭст, 2001. 209 с.
2. Спасович, В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М. : ЛексЭст, 2001. 93 с.
3. Владимиров, Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула : Автограф, 2000. 462 с.
4. Духовской, М. В. Русский уголовный процесс. М.: Тип. А. П. Поплавского, 1910. 448 с.
5. Вышинский, А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М. : Госюриздат, 1950. 308 с.
6. Перлов, И. Д. Уголовное судопроизводство в СССР. М. : Госюриздат, 1959. 102 с.
7. Чельцов, М. А. Советский уголовный процесс. М. : Госюриздат, 1951. 511 с.
8. Люблинский, П. И. О доказательствах в уголовном суде : практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса / под ред. Н. Н. Полянского и П. Н. Малянтовича. М. : Право и Жизнь, 1924. 62 с.
9. Строгович, М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Наука, 1968. 470 с.
10. Трусов, А. И. Основы теории судебных доказательств. М. : Госюриздат, 1960. 176 с.
11. Случевский, В. К. Учебник русского уголовного процесса / под ред. В. А. Томсинова. Ч. II. М. : Зерцало, 2014. 486 с.
12. Белкин, Р. С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы. М. : Наука, 1966. 295 с.
13. Голунский, С. А. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С. А. Голунского. М. : Госюриздат, 1959. С. 122–160.
14. Горский, Г. Ф., Кокорев, Л. Д., Элькинд, П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
15. Арсеньев, В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. М. : Юрид. лит., 1964. 179 с.
16. Фаткуллин, Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания / 2-е изд. Казань : Казанский гос. ун-т, 1976. 206 с.
17. Дорохов, В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право : науч. журн. Москва : Институт государства и права РАН. 1964. № 9. С. 108–117.
18. Карнеева, Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. 44 с.
19. Кокорев, Л. Д., Кузнецов, Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995. 268 с.
20. Шейфер, С. А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П. А. Лупинская. М. : ВЮЗИ, 1972. 130 с.

21. Доля, Е. А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. М. : Проспект, 2009. 376 с.
22. Орлов, Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М. : Юристъ, 2009. 174 с.
23. Барабаш, А. С. Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. СПб : Юридический центр, 2005. 254 с.
24. Зажицкий, В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. СПб : Юридический центр-Пресс, 2015. 439 с.
25. Костенко, Р. В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар : КубГАУ, 2006. 393 с.
26. Лазарева, В. А. Доказывание в уголовном процессе : учебник / 5-е изд. М. : Юрайт, 2014. 359 с.
27. Золотых, В. В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. 288 с.
28. Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л. М. Карнозовой. М. : Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. 384 с.
29. Россинский, С. Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и «невербального» способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права : науч. журн. Ростов н/Д : Ростовский юрид. ин-т МВД России. 2021. № 2 (97). С. 99–106.

REFERENCES

1. Barshev, YA. I. Osnovaniya ugolovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossijskomu ugolovnomu sudoproizvodstvu. [Grounds for criminal proceedings with application to Russian criminal proceedings]. М. : LeksEst, 2001. 209 p. (in Russian).
2. Spasovich, V. D. O teorii sudebno-ugolovnyh dokazatel'stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judiciary and legal proceedings]. М. : LeksEst, 2001. 93 p. (in Russian).
3. Vladimirov, L. E. Uchenie ob ugolovnyh dokazatel'stvah [The doctrine of criminal evidence]. Tula : Avtograf, 2000. 462 p. (in Russian).
4. Duhovskoj, M. V. Russkij ugolovnyj process [Russian criminal process]. М.: Тип. А. Р. Поплавского, 1910. 448 p. (in Russian).
5. Vyshinskij, A. YA. Teoriya sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom prave [The theory of judicial evidence in Soviet law]. М. : Gosyurizdat, 1950. 308 p. (in Russian).
6. Perlov, I. D. Ugolovnoe sudoproizvodstvo v SSSR [Criminal proceedings in the USSR]. М. : Gosyurizdat, 1959. 102 p. (in Russian).
7. CHel'cov, M. A. Sovetskij ugolovnyj process [Soviet criminal process]. М. : Gosyurizdat, 1951. 511 p. (in Russian).
8. Lyublinskij, P. I. O dokazatel'stvah v ugolovnom sude : prakticheskij kommentarij k glave IV Ugolovno-processual'nogo kodeksa [On evidence in a criminal court: a practical commentary on chapter IV of the Code of Criminal Procedure]. pod red. N. N. Polyanskogo i P. N. Malyantovicha. М. : Pravo i ZHizn', 1924. 62 p. (in Russian).
9. Strogovich, M. S. Kurs sovetskogo ugolovnogo processa. T.1. [The course of the Soviet criminal process]. М. : Nauka, 1968. 470 p. (in Russian).

10. *Trusov, A. I.* Osnovy teorii sudebnyh dokazatel'stv [Fundamentals of the theory of forensic evidence]. M. : Gosyurizdat, 1960. 176 p. (in Russian).
11. *Sluchevskij, V. K.* Uchebnik russkogo ugolovnogo processa [Textbook of the Russian criminal process]. pod red. V. A. Tomsinova. CH. II. M. : Zercalo, 2014. 486 p. (in Russian).
12. *Belkin, R. S.* Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. Sushchnost' i metody [Collection, research and evaluation of evidence. Essence and methods]. M. : Nauka, 1966. 295 p. (in Russian).
13. *Golunskij, S. A.* Voprosy dokazatel'stvennogo prava v osnovah ugolovnogo sudoproizvodstva Soyuza SSR i soyuznyh respublik [Issues of evidentiary law in the fundamentals of criminal proceedings in the USSR and the Union republics]. v kn. Voprosy sudoproizvodstva i sudoustrojstva v novom zakonodatel'stve Soyuza SSR / pod red. S. A. Golunskogo. – in the book. Issues of legal proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR / ed. S. A. Golunsky. M. : Gosyurizdat, 1959. pp. 122–160. (in Russian).
14. *Gorskij, G. F., Kokorev, L. D., El'kind, P. S.* Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe [Problems of evidence in the Soviet criminal process.]. Voronezh : Voronezhskij gosuniversitet, 1978. 303 p. (in Russian).
15. *Arsen'ev, V. D.* Voprosy obshchej teorii sudebnyh dokazatel'stv [Questions of the general theory of forensic evidence.]. M. : YUrid. lit., 1964. 179 p.
16. *Fatkullin, F. N.* Obshchie problemy processual'nogo dokazyvaniya [General problems of procedural proof]. 2-e izd. Kazan' : Kazanskij gos. un-t, 1976. 206 p. (in Russian).
17. *Dorohov, V. YA.* Ponyatie dokazatel'stva v sovetskom ugolovnom processe [The concept of evidence in the Soviet criminal process]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo : nauch. zhurn. Moskva : Institut gosudarstva i prava RAN. – Soviet state and law: scientific. magazine Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 1964. no 9. pp. 108–117. (in Russian).
18. *Karneeva, L. M.* Dokazatel'stva i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya. Gor'kij : Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR [Evidence and proof in the course of investigation. Gorky: Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR]. 1977. 44 p. (in Russian).
19. *Kokorev, L. D., Kuznecov, N. P.* Ugolovnyj process: dokazatel'stva i dokazyvanie [Criminal process: evidence and proof]. Voronezh : Voronezhskij gosuniversitet, 1995. 268 p. (in Russian).
20. *Shejfer, S. A.* Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom processe [Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. otv. red. P. A. Lupinskaya. M. : VYUZI, 1972. 130 p. (in Russian).
21. *Dolya, E. A.* Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatel'nosti [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. M. : Prospekt, 2009. 376 p. (in Russian).
22. *Orlov, YU. K.* Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom processe [Problems of the theory of evidence in the criminal process.]. M. : YUrist", 2009. 174 p. (in Russian).
23. *Barabash, A. S.* Priroda Rossijskogo ugolovnogo processa, celi ugolovno-processual'noj deyatel'nosti i ih ustanovlenie [The nature of the Russian criminal process, the goals of criminal procedure and their establishment]. SPb : YUridicheskij centr, 2005. 254 p. (in Russian).

24. *Zazhickij, V. I.* Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF [Evidence and proof under the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. SPb : YUridicheskij centr-Press, 2015. 439 p. (in Russian).

25. *Kostenko, R. V.* Dokazatel'stva v ugovnom processe: konceptual'nye podhody i perspektivy pravovogo regulirovaniya : dis. ... d-ra jurid. nauk [Evidence in the criminal process: conceptual approaches and prospects for legal regulation: dis. ... Dr. jurid. Sciences]. Krasnodar : KubGAU, 2006. 393 p. (in Russian).

26. *Lazareva, V. A.* Dokazyvanie v ugovnom processe : uchebnik [Evidence in criminal proceedings: textbook]. 5-e izd. M. : YUrajt, 2014. 359 p. (in Russian).

27. *Zolotyh, V. V.* Proverka dopustimosti dokazatel'stv v ugovnom processe [Checking the admissibility of evidence in criminal proceedings]. Rostov-na-Donu : Feniks, 1999. 288 p. (in Russian).

28. Sudebnaya reforma: yuridicheskij professionalizm i problemy yuridicheskogo obrazovaniya. Dis-kussii [judicial reform: legal professionalism and problems of legal education. Discussions]. pod red. L. M. Karnozovoj. M. : Mezhdunarodnyj komitet sodejstviya pravovoj reforme – ed. L. M. Karnozova. M. : International Committee for Assistance to Legal Reform, 1995. 384 p. (in Russian).

29. *Rossinskij, S. B.* Gnoseologicheskie problemy razgranicheniya verbal'nogo i «neverbal'nogo» sposobov poznaniya v ugovnom sudoproizvodstve [Epistemological problems of differentiation between verbal and “non-verbal” methods of cognition in criminal proceedings]. Filosofiya prava : nauch. zhurn. Rostov n/D : Rostovskij yurid. in-t MVD Rossii – hilosophy of Law: scientific. magazine Rostov n / a : Rostov jurid. in-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. no 2 (97). pp. 99–106. (in Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10; профессор кафедры управления органами расследования преступлений. Академия управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey B. Rossinskiy, Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology Sector. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, st. Znamenka, Moscow, Russian Federation, 119019; Professor of the Department of Management of Crime Investigation Bodies. Academy of Management of the MIA of Russia, 8, st. Zoya and Alexander Kosmodemyansky, Moscow, Russia Federation, 125993.